

ЕЛЕНА ЧАЛОВА

Греческие каникулы

Елена Чалова

Греческие каникулы

«Центрполиграф»

2012

Чалова Е. Э.

Греческие каникулы / Е. Э. Чалова — «Центрполиграф», 2012

Лето обещало быть довольно скучным: мама и отчим Марк пребывали в заботах о новорожденных близнецах, и Настя оказалась предоставлена сама себе. Хорошо, что к Лизе, соседке и закадычной подружке, приехала тетушка, гадалка и ясновидящая. Тетя Роза звала себя служительницей греческой богини Нефтиды и «прославилась» главным образом предсказаниями несчастий, которые имели свойство сбываться. Она была уверена, что Настю подстерегает беда...

© Чалова Е. Э., 2012

© Центрполиграф, 2012

Содержание

МОСКВА	5
КОРФУ	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Елена Чалова

Греческие каникулы

МОСКВА

– Сема, я тебя прошу! – Мать орала в трубку так, что Лизе стало жалко отца, хоть тот и находился в Израиле, то есть вне пределов досягаемости разгневанной супруги. – Сема, ты не можешь меня бросить!

– Циля, рыбка моя, о чем ты говоришь? Разве я не работаю как вол, чтобы тебе и детям было хорошо? Я скоро приеду, и мы вместе пойдем на свадьбу Якова и Марии. Ты купила себе новое платье?

– Сема, если ты не приедешь немедленно, меня в нем и похоронят!

– Циля, радость моя, ты преувеличиваешь...

– Да? Я преувеличиваю? А ты помнишь, что эта полоумная, твоя тетя, устроила на нашей свадьбе? Я никогда ей этого не прощу, никогда! А теперь она хочет остановиться у нас, и ведь если она то же самое сделает на свадьбе Якова и Маши...

– Циля, солнышко мое, ну я же приеду к этому моменту. Если хочешь, я лично буду ее контролировать, и мы не позволим ей испортить свадьбу. Ну что ты так переживаешь? Роза, конечно, с причудами, но она добрая женщина и она моя двоюродная тетя...

Мать вопила, угрожала, уговаривала. Отец, голос которого ласково журчал в трубке, был, как всегда, абсолютно непробиваем. Лиза прислушивалась к разговору без особого интереса, тем более что исход дискуссии был предсказуем. Девочке не понадобилось много времени, чтобы осознать: несмотря на шумную активность мамы Циля, последнее слово всегда остается за отцом. Если он сказал, что родственница будет жить у них, – так тому и быть.

Вообще, приезд тетки обещал немало развлечений, и Лиза, заскучавшая в связи с окончанием занятий в школе, была не против такого оживления. Начать с того, что тетка известила о скором приезде телеграммой. Лизе уже четырнадцать лет, но ни разу в жизни она не получала телеграмм. Электронные письма и эсэмэски приходили каждый день, даже простые бумажные письма от каких-то архаичных родственников случались, но чтобы телеграмма – такого еще не было.

Когда в дверь позвонили, Лиза и мать бросились в прихожую, но, как всегда, не успели. Маленький Лизкин брат – шестилетний Оська – обожал открывать двери. Как уж он чувствовал, что кто-то идет, оставалось тайной, но всегда успевал распахнуть дверь, прежде чем мать могла остановить его и выполнить необходимый для тревожной московской жизни ритуал: взглянуть в дверной глазок и спросить «кто там?».

Однажды Циля обнаружила у дверей цыганок, которые уже подхватили на руки маленького Осю и просочились в прихожую. Это был единственный раз в жизни, когда Циле изменил ее громкий и уверенный голос. Она молча рванулась вперед, выхватила ребенка из чужих немытых рук, почти не глядя зашвырнула его в стенной шкаф, схватила зонтик и принялась охаживать пестревших платками и длинными юбками теток. Те с воплями бросились из квартиры.

Каким образом, непонятно, но вместе с ними пропали Семины зимние ботинки, привезенные им из Канады, Лизина кроличья шубка (в тот день была оттепель и она ходила в школу в куртке) и норковая шапка Циля. Правда, и цыганки понесли некоторые потери: достав из шкафа сыночка, Циля увидела, что он прячет что-то в кулачке. С трудом разжав детскую ручку, мать отобрала у ребенка золотую цепочку и одну серьгу с розовым камушком. Она тут же вышвырнула это добро в окошко, а Оську наказала: весь день была с ним сурова и не дала

сладкого. Однако воспитательные меры не помогли, и малыш продолжал гостеприимно распахивать дверь на любой звонок.

В этот раз им всем повезло, потому что на пороге переминалась всего лишь тетка-почтальонша – бодрая и общительная Лариса Васильевна.

– А вот кому телеграмма пришла? – голосом ярмарочного зазывалы завопила она.

Маленький Оська как зачарованный взирал на большую сумку, висевшую на плече почтальонши и украшенную целой коллекцией значков.

– Лиза, возьми ребенка! – крикнула мать, и Лизке пришлось держать молча вырывавшегося братика, пока Циля расписывалась за телеграмму. Закрыв за почтальоншей дверь, она прочла напечатанные на некачественной бумажке слова и тут же бросилась звонить мужу.

Лизка подобрала валявшийся на полу бланк и прочла: «Приезжаю 13 июня Киевский вокзал поезд 172 поживу вас неделю Целую Роза».

А Циля, схватив телефон, уже набирала номер мужа.

Подождав, пока она закончит разговор, Лиза появилась в кухне и с любопытством спросила:

– А кто такая эта Роза?

– Язва на теле нашей семьи, – мрачно отозвалась Циля.

– И на какой конкретно части тела она обитает?

– Что? – Мать взбивала кляр для рыбы и упорно поворачивалась к Лизе спиной, но та и не думала отставать.

– Где живет эта тетя Роза?

– Ой, Лиза, тебе что, нечем заняться, кроме как слушать сплетни о родственниках?

– Ну, не хочешь говорить – не надо... но я подумала, раз она будет у нас жить, я должна хоть что-то про нее знать. Чтобы как-то разговор поддерживать и вообще.

Масло брызнуло с раскаленной сковородки в разные стороны, когда Циля метнула на тефлон первый кусок филе судака в кляре.

И, рассказывая о тете Розе, шипела она не хуже той сковородки.

– Я тебе настоятельно советую поменьше с этой ненормальной разговаривать. Она, видишь ли, возомнила себя гадалкой и ясновидящей. Это же дикость! Но больше всего меня поражает, что какие-то клуши ей верят и она даже имеет свою клиентуру! И это в Черновцах-то, где Роза прожила всю свою жизнь и ее знают как облупленную! Хотя язык у нее и правда хорошо подвешен, это, наверное, семейное. Задурит голову кому хочешь!

– А что ты там поминала насчет свадьбы? – Лиза потянула было с тарелки золотистый кусочек кляра и тут же получила по рукам.

– Через пять минут за стол сядем, тогда и поешь! – непререкаемым тоном заявила мать. – Насчет свадьбы? Ох, даже вспоминать не хочу! – И тут же стала рассказывать: – Представь, на нашей с Семой свадьбе эта крокодилица поднялась говорить тост и как завела: я карты разложила, чтобы заглянуть в будущее любимого Семы, а там много сложностей... Ну, я смотрю, отец твой хмурится. А Роза опять: отношения молодых будут непростыми. Сема косо на меня смотрит! И это на свадьбе, ты представь! А эта язва черновицкая знай гудит: и ты должен набраться мужества, Семочка, потому что несчастья закаляют характер.

Циля вдруг замолчала, опустила на стул, лопаточка выпала из ее руки, и Лиза, глянув матери в лицо, увидела, что та плачет.

– Эй, мам, ты чего? – Девочка растерялась. – Не хочешь – не рассказывай, я так просто. Ну мам...

– Ты взрослая уже почти, так что ничего, – прошептала мать. – Я ведь беременная тогда была, на свадьбе. А через месяц на Сему наехали, крыша его же и наехала... Так страшно было. Он все деньги отдал, чтобы только семью не трогали. Откупился... Но ребенка того я потеряла.

Лиза растерянно молчала. Никто из взрослых ни разу прежде ни о чем таком при ней не упоминал. И теперь она могла только обнять мать за плечи и жалеть ее.

– Мама, а кушать? – Братик стоял в дверях и с недоумением взирал на обнявшихся мать и сестру, а также на сковородку, от которой поднимался невкусный дым.

– Ой, да что же это я! – Циля вскочила, быстро вытерла слезы и схватилась за сковородку. – Черт бы побрал эту Розу! Вот и рыба из-за нее сгорела!

Впрочем, сгорела только вторая порция рыбы, а потому Циля твердо заявила, что детям хватит, да еще салат, а у нее самой сегодня разгрузочный день. Очень кстати, потому что скоро идти на свадьбу, а новое платье сидит, конечно, хорошо, но местами чуть обтягивает...

Лень и безделье – двигатель прогресса. Когда пытливый ум не занят работой и учебой, он устремляется ко всяким приключениям. На дворе маялось нежаркое лето, учеба в школе уже кончилась, а летний отдых, обычно проводимый с мамой на море, отодвинулся из-за свадьбы родственников. То есть делать Лизавете было абсолютно нечего, и она принялась думать о неведомой тете Розе. Мысль о том, что среди ее родни оказалась ясновидящая и гадалка, интриговала. И хоть мать не питала к тетке добрых чувств, но ведь, если говорить непредвзято, нагадала-то она правильно!

Долго думать в одиночестве неинтересно, и Лиза отправилась к лучшей подруге Насте, благо та живет в одном с ней доме и подъезде, только на другом этаже.

Девочки познакомились, когда Настя с мамой Светланой – по-домашнему Ланой – переехали в этот дом. Они ходили в одну школу и, несмотря на разницу темпераментов, неплохо ладили. Анастасия всегда была личностью творческой. Она с раннего детства посещала художественную школу и мечтала стать художницей. Внешность задумчивого ангела – большие зеленые глаза, пепельные волосы, хрупкое сложение – вызывала у окружающих желание защищать ребенка и помогать ему. И порой Настя весьма прагматично этим пользовалась.

Лизавета никогда не была худой, копна каштановых волос, веснушки на белой коже и яркие карие глаза вполне соответствовали напористому и активному складу девочки.

В школе к восьмому классу сложилась традиция заключать пари на тему: в каком образе Лизавета придет первого сентября. Она уже пережила периоды горячего увлечения движением эмо, религией, генеалогией и другими интересными вещами. Сейчас в бурной жизни Лизы как раз образовался некий вакуум, и приезд тетушки со сверхъестественными способностями обещал заполнить эту пустоту чем-то весьма интересным.

– Слышь, Настьк, у тебя есть в роду ясновидящие? – чуть не с порога спросила Лиза.

– Ясновидящие? – Настя вопросительно приподняла тонкие брови, и Лиза про себя хихикнула: подруге со стороны не видно, но жест этот и манеру переспрашивать она вольно или невольно скопировала у Марка, мужа Настиной мамы. – Не знаю... вроде нет, а что?

– А у меня есть! – с нескрываемой гордостью заявила Лиза. – Послезавтра приезжает тетя Роза из Черновцов. Она гадалка и ясновидящая.

– А Черновцы, это где?

– Где-то на Украине. В смысле – в Украине. На западе вроде.

– В смысле в западе, – передразнила ее Настя. – А зачем она приезжает?

– На свадьбу родственников. А жить будет у нас.

– Круто. Погадает нам с тобой.

– Точно!

Дни в ожидании приезда тетки Лиза провела за чтением всякой всячины, относящейся к гаданию и ясновидению. Благо теперь в библиотеку за источниками ходить не обязательно: открыл Интернет – и уже в теме. И надо сказать, что чем дольше она читала, тем меньше

нравилось ей то, чем занималась тетя Роза. Да и мамина история оставила на сердце какую-то царапину.

И вот наступил день приезда родственницы. Настька, раздираемая любопытством, с утра паслась у Лизы, что не добавляло маме Циля хорошего настроения. Она, конечно, приготовила вкусный обед и легкий, но шедевральный ужин («Не хватало еще, чтобы она нажаловалась Семе, что я ее плохо встретила!»). Однако Лиза видела, что мама нервничает и мечется по квартире, не находя себе места.

Само собой, когда раздался звонок в дверь, первым на финишной прямой оказался маленький Оська. Циля, Лиза и Настя возникли в прихожей, когда дверь уже была открыта и у зеркала поправляла волосы полненькая невысокая женщина лет шестидесяти, с темными, без седины, волосами, почти сросшимися бровями, впечатляющим носом и глубоко посаженными темными глазками. То есть по описанию кажется, будто тетя Роза выглядела как Баба-яга. Да ничего подобного! Просто полноватая тетка первого пенсионного возраста, одетая в цветастое платье, с крупными бусами на короткой шее. На руке у тетки висел ридикюль, весьма удачно имитирующий одно из изящных изделий Луи Виттона.

Костя, родственник Циля, исполнявший сегодня роль шофера и встречавший тетю Розу на вокзале, внес в прихожую чемодан и сумку. Все засуетились, Циля ахала и неискренне восклицала:

– Тетя! Как вы прекрасно выглядите! И будто не прошло тех лет!

– Ах, милая, да кто же может хорошо выглядеть после общения с нашей железной дорогой?

– Куда чемодан, Циля? – басил родственник.

– Дядя Костя, покатай! – Мелкий Оська путался в ногах мужчины, мечтая залезть на его могучие плечи.

– А кто это у нас? Какие красавицы! – Тетя внимательно оглядела девочек. – Это, ясное дело, Семочкина, а светленькая чья?

– Моя подружка, Настя.

– Ах Настя... – Тетя Роза словно на минуту задумалась, потом повела своим мясистым носом и спросила: – Циля, детка, а чем это так вкусно пахнет? Котлеты с чесночком? Неужели ты не забыла мое любимое блюдо?

Толкаясь и обмениваясь бессистемными репликами, все постепенно переместились в столовую, успев по дороге переделать кучу дел: тете показали ее комнату, Костя покатал мальчишку на плечах, все дружно помыли руки, Циля подала суп и котлеты.

Пообедав, Костя откланялся, тетя ушла в отведенную ей комнату, сообщив, что с дороги нужно отдохнуть, и вскоре из-за неплотно прикрытой двери донесся ее храп.

Настя отправилась домой, несколько разочарованная такой будничной сценой и совершенно незагадочным видом тетки, но они с Лизкой решили, что еще успеют раскрутить ее на гадание. Вечером тетя Роза и мама сидели за столом долго, пили чай, но, к огромному Лизинному разочарованию, обсуждали исключительно родственников и предстоящую свадьбу Якова.

На следующее утро мама с мелким уехали на ипподром – Оська занимался конным спортом. Правда, пока он катался только на упитанном пони с коротко стриженной лохматой гривкой, но гордился собой чрезвычайно.

Лиза выползла в кухню часов в десять утра и нашла там тетю Розу. Та пила кофе с трехэтажным бутербродом (хлеб, масло, колбаса и кокетливый листик салата сверху). Лиза покосилась на бутерброд уважительно, но ограничилась зеленым чаем и печеньем.

– А вы кем работаете? – начала она издалека.

– Пенсионерка я, – охотно отозвалась тетя Роза. – Отработала двадцать лет чертежницей, еще двадцать агентом ритуальной службы, а потом вышла на пенсию, аккуратно в прошлом году.

– Каким агентом? – растерялась Лиза.

– Ну, ритуальная служба – это которая похороны устраивает.

– А, понятно. – Девочка взглянула на тетку с опаской. – А я думала...

Не дождавшись продолжения, тетка спросила:

– И что ты думала?

– Мама говорила, что вы гадалка.

– Одно другому не мешает, – хмыкнула тетка. – Дар у меня, понимаешь? А дар плохо не использовать, он и отомстить может. Вот и помогаю людям по мере сил.

– Ага. А мне погадать можете?

– Нет, – с явным сожалением ответила тетка.

– Почему? – обиженно спросила Лиза.

– Потому что, когда я разговаривала с твоим папой Семой по телефону и он согласился, чтобы я остановилась у вас, он сказал, что, если только я в его доме хоть раз раскрою карты или еще как-то попытаюсь проявить свои... таланты, он меня выгонит с позором из своего дома и так ославит перед родственниками, что никто мне руки больше не подаст и помирать я тоже буду в одиночестве.

Лизавета подавилась, услышав такое. Откашлявшись и выпив залпом полчашки чая, она устала на тетку.

– Папа так сказал? – недоверчиво переспросила она.

– Ну, не теми словами, Сема мальчик воспитанный. Но я все поняла.

– Ага. – Девочка в растерянности придвинула к себе упаковку с нарезанной колбасой и положила кругляшок на печенье. – Круто...

Они немного помолчали. Тетушка допила кофе и прикончила бутерброд.

– Пойду я, – сказала она, поднимаясь. – Посуду помоешь?

– Да, конечно. А вы куда?

– На кудыкину гору.

– Извините, – растерянно пробормотала Лиза.

– Ничего, – хмыкнула тетка. – Впрочем, тебе могу сказать. Встреча у меня сегодня. С единомышленниками. Так замечательно получилось, что в этот приезд удалось совместить свадьбу Якова и общение с духовно близкими людьми.

– Это кто? Общество пенсионеров ритуальной службы?

– Нет, это служители великой богини.

– Кого? – Лиза опять чуть не подавилась, с удивлением взглянула на колбасу, которую вообще-то не любила, и решила из чувства самосохранения поест в другой раз. – Какой богини?

– Исида. Проходили в школе? – Тетка извлекла из ридикюля пудреницу и внимательно оглядела в зеркальце свое лицо. Зеркальце было маленькое, а лицо наоборот, и она смешно поводила головой, разглядывая рельеф по частям. Затем достала тюбик помады и принялась подкрашивать губы.

– Само собой, – отозвалась Лиза, лихорадочно пытаясь вспомнить, что же именно они в школе учили по этому поводу. – Но ведь это богиня Древнего Египта, разве нет? Она была жена... не помню, как его звали, но он умирал и воскресал, и это олицетворяло природный цикл, типа смена времен года.

Тетка кивнула:

– И это тоже.

– То есть вы верите в древнеегипетских богов?

– Боги вечны, детка, на то они и боги, – отозвалась тетя Роза. Бросила взгляд на золотые часы, плотно охватывавшие полную руку, и решила, что немного времени у нее еще есть. Она опять присела к столу и заговорила, внимательно глядя на девочку: – Вот послушай... Я немного дополню твои уроки истории. Храмы Исида и ее служители были распространены по

всему миру от начала времен. Порой ее называли другими именами: Иштар, Хебет, Шентаит и многими другими, но это не важно. Не было на земле народа или племени, который не поклонялся бы Великой Матери. Египет, Греция и ее колонии, Крит, Римская империя, Европа и Малая Азия – все признавали ее власть и приносили ей жертвы. А еще у нее была сестра, и звали ее Нефтида...

Величествен и прекрасен Исеум, храм великой богини. Он не похож на легкие, полные воздуха греческие храмы. Мощная архитектура восходит к гораздо более древним традициям, к сложным расчетам и канонам.

Службы идут каждый день, и каждый день в первое – открытое – помещение храма может прийти любой верующий, которому нужно пообщаться с богиней, воззвать к ее милости или попросить о заступничестве. И верующие идут нескончаемым ручейком, потому что власть богини признается людьми всех стран и народов, богатыми и бедными, мужчинами и женщинами. Но в праздничные дни здесь особеннолюдно. Многие приходят в храм с раннего утра, чтобы занять местечко получше, и к началу церемонии в помещении с низкими потолками и мощными опорными колоннами становится тесно. Толпа создает совершенно особое ощущение напряжения. Люди ведут себя тихо, они терпеливо ждут, ибо сегодня распахнутся двери во внутренний храм и богиня явится людям. Жрецы понесут ее на плечах, и она воссядет на трон в первом зале. Верующие смогут увидеть божественную статую, принять участие в ритуале, а значит, стать ближе к богине.

Вот медленно открываются тяжелые, окованные металлом двери, и из них так же медленно выходит торжественная процессия. Впереди верховный жрец с бритой головой и лицом аскета. Он облачен в холщовое одеяние, голубовато-белый цвет которого напоминает цветок льна, плод земли, дар Исиды и Осириса. За ним следуют жрецы и жрицы, что хранят в своей душе, как в корзине, священное учение, чистое от всяких предрассудков, недоступное постороннему. Жрецы носят длинные светлые облачения, руки их, грудь и бритая голова остаются обнаженными.

Что касается жриц, они одеты в длинные прозрачные платья в складках, волосы заплетены в косы, обрамляющие лицо как диадемой; их отличительный знак: шарф с бахромой, концы которого завязаны узлом на груди.

Жрецы несут паланкин с беломраморной статуей Исиды. За ними идут посвященные, которые держат в руках священные сосуды и одеяния. Процессия медленно обходит внешний храм. Верующие жадно следят за богиней и людьми, причастными вечным тайнам. Порой кто-то из толпы опускается на колени и, протянув руки, касается края развевающихся жреческих одежд. Над толпой плывет благовонный дым и звучит глубокий голос: это один из жрецов нараспев читает гимн богине.

Люди следят за жрецами, которые облачают священную статую великой богини в расшитое сверкающим золотом, жемчугом и драгоценными камнями одеяние, за жрицами, которые воскуряют благовония. Вот двое поднимают блюдо, наполненное цветами: их принесли вчера, и день и ночь цветы улаждали взор богини. Сегодня верующие принесли новые цветы: их складывали в специальные корзины у входа в храм, шепча над разноцветными лепестками просьбы и молитвы. А вчерашние, все еще свежие цветы, которым выпало счастье день и ночь провести в жилище богини, жрицы выносят во внешний храм, и люди разбирают их и несут в свои дома, бережно прижимая к груди. Сорванный вчера утром цветок, лежавший без воды уже сутки, все еще свеж и останется таким еще день – это одно из чудес Великой Матери, доказательство того, что она властна над любой жизнью.

Жрец завершает службу, статуя опять водружается на паланкин и возвращается во внутренний храм. Люди жадно ловят последние мгновения лицезрения богини, вытягивая шеи, когда двери внутреннего храма затворяются. Обряд будет продолжен, но теперь он наполнится

более глубоким смыслом, ибо предназначен только для посвященных. Шум и суета внешнего мира остаются за массивными дверями. Здесь, во внутреннем храме, царят вечный сумрак и совершенно особенная тишина.

Жрец поворачивается к нише, завешенной тончайшей тканью, и подает знак. Жрицы открывают нишу, и взорам посвященных предстает статуя Нефтиды.

Исида и Нефтида – неразлучные сестры, две стороны одной медали. Ибо не бывает света без тьмы и добра без зла. Египтяне считали, что одна сестра следует дневным путем, а вторая – ночным. Одна дарует жизнь, другая помогает душе уйти в вечность. А ведь именно там, за завесой тьмы, над вечной пропастью хаоса, и можно найти мудрость, тайное знание, которое поможет обрести власть...

* * *

– И вот эта Нефтида – хранительница мудрости, тайного колдовства и всяких таких знаний, – рассказывала Лиза, глядя, как Настя крутит в руках подаренный теткой амулет. Овальная пластинка из металла несла каменную инкрустацию: верх был выполнен из оникса цвета густых сливок с нежными бежевыми разводами, словно пенка на молоке. Полукруг солнца, заключенный меж двумя красиво изогнутыми дугами-рогами. Нижняя половинка овала зеркально повторяла узор, только оникс был черным.

– Каких знаний? – рассеянно переспросила Настя.

– Оккультных, – выпалила Лиза не без гордости. – То есть мистических и волшебных. Тетя Роза говорит, что знания никуда не деваются, они вроде как накапливаются где-то... просто есть люди, которые могут дотянуться до них, как бы войти в контакт с чем-то вроде поля, не очень поняла только, где оно. И тогда можно и предвидеть будущее и еще много всякого.

– Круто! – восхищенно воскликнула Настя. – А она тебе гадала?

– Нет. Отец запретил.

– Почему?

– Ну... она как-то давно нагадала родителям нехорошее, и оно сбылось.

Настя помолчала, но Лизка не стала больше ничего рассказывать, и тогда она снова спросила:

– А мне она может погадать?

– Не знаю. Тебе, наверное, может. Только... ты не боишься?

Само собой, Настя заявила, что она не боится. Еще чего!

Они условились встретиться у Лизы завтра после обеда: мама Циля поедет с Оськой к стоматологу, а тетка обещала быть дома. После чего подружки отправились в кино с одноклассниками и думать забыли про тетю Розу, гадания и древних богов.

Но уже вечером, добравшись до дому, Настя вспомнила о завтрашнем дне, о предстоящем гадании, и ей стало как-то неуютно. Не то чтобы страшно – кто же такой чепухи боится? Но вот как-то не по себе... Хотелось поговорить с кем-нибудь, пожаловаться... или хоть посоветоваться. К маме она не пойдет: та по-любому начнет нервничать, и вдруг у нее молоко пропадет? Тогда вообще ужас будет – ее братики спят нормально, только когда насосутся. К Марку сходить? Он вообще-то неплохой. Профессия у него, с Настиной точки зрения, была исключительно неудачной. Марк работал стоматологом. То, что он доктор наук и прекрасный специалист с высокими заработками, девочка в расчет не принимала. Впрочем, Настя признавала, что профессия оказалась практически единственным недостатком Марка. Ибо он обладал умом (и помогал ей с домашними заданиями), чувством юмора, был нежаден и справедлив. Она, Настя, ему доверяет и рада, что теперь они все семья и братиков Марк с мамой ей родили, но... Она представила, как саркастически взметнутся брови Марка, когда она начнет ему рассказывать

про ясновидение, гадание и Нефтиду. М-да. А вот тетя Рая, пожалуй, не станет насмехаться. И посоветовать что-нибудь дельное сможет. И Настя отправилась к тете Рае.

Тетя Рая очень гордилась тем, что сосватала Лану, свою соседку, любимому племяннику Марку¹. Они поженились, и Марк переехал жить в трехкомнатную квартиру Ланы и Насти. Тетя Рая была счастлива: она может опекать Настю, которую полюбила, как родную внучку. А уж теперь, когда родились близнецы, Марк и Лана готовы были молиться на тетюшку, которая готовила и помогала по хозяйству, а иной раз гуляла с малышами на лавочке, благо на прогулке они в основном спали.

– Тетечка, это я! – Настя нетерпеливо подпрыгивала под дверью.

– Настенька, деточка, заходи! Дома нормально? – Тетя Рая показала в дверях, держа в одной руке исторический роман, а в другой – очки.

– Ага, там Марк и мама крутятся, малявки орут не больше обычного.

– Ну и хорошо. Идем, я тебе чайку налью.

Настя сидела в уютной кухне и смотрела, как тетя Рая собирает на стол. Роскошный шелковый халат с драконами драпировал могучий бюст тетюшки, волосы уложены в неизменную «халу», крашенную хной. Полные ручки стелют на стол расшитую салфетку, расставляют фарфоровые чашечки и тарелочки. Серебряные вилочки и ложки занимают свои места. Сперва Насте было смешно: когда тетя Рая начинала сервировать стол к чаю, девочка казалась себе куклой, ради которой хозяйка выставляет на стол кукольный сервиз и угощения. Но потом она привыкла, а художественное чутье быстро привело ее к выводу, что за изящно накрытым столом хочется задержаться, поговорить, да и красиво, в конце концов. А ведь у тети Раи всегда было не только красиво, но и вкусно. Вот и сейчас: на одной тарелочке лежат печенюшки, в вазочке золотится яблочный джем, тонко нарезанный сыр загадочно подмигивает дырочками. Кружочки лимона радуют ровными плотными корочками. Сахар – коричневые неровные кубики – полагается брать щипчиками... хотя, когда тетюшка отворачивается, можно стащить и так. Сунуть за щеку и потом пить чай и чувствовать, как сахарный кубик тает, отдавая коричневый вкус, и наконец рассыпается кристалликами, наполнив рот сладостью. И как-то по особому вкусно пахнет чай, заваренный в фарфоровом чайнике.

Глядя на изысканно сервированный стол, Настя решила, что напишет натюрморт. Так и назовет: «Чаепитие у тети Раи».

Она увлеклась мыслями о натюрморте и выпила целую чашку чаю, прежде чем вспомнила, зачем пришла.

– Тетечка, я хотела тебя спросить... Вернее, сказать. К Лизке приехала родственница из Череповцов.

– Череповца.

– Нет, их было много... Из Черновцов, вот! Она, видишь ли, ясновидящая... и гадалка. Лизке она гадать не может, потому что Лизкин папа запретил. Ну, она предложила погадать для меня. Завтра после обеда мамы Цили не будет дома, и мы договорились, что я приду и она мне погадает.

Тетя Рая села к столу, механическим жестом поправила шелковый халат на груди и воззрилась на Настю. Девочка крошила печенье тонкими нервными пальчиками. Вид у нее растерянный, и нетрудно догадаться, что мысль о предстоящем гадании ее пугает.

– Как ее зовут, эту родственницу?

– Роза.

– Ты ее видела?

– Ну да, я была у Лизки, когда она приехала.

¹ История Ланы и Марка рассказана в романе «Рыцарь для дамы с ребенком».

Настя оживилась, стала рассказывать про встречу и как смешно Лизкин братик катался на плечах большого мужика. С описанием внешности Настя, как всегда, забуксовала. Но потом девочка схватила альбом – и через десять минут тетя Рая, поджав губы, рассматривала портрет гадалки Розы.

– Знаешь, детка, завтра пойти к Лизе не получится, – решительно сказала она. – Я как раз хотела попросить тебя съездить со мной в аптеку. Ты сегодня позвони Лизе, извинись.

– В аптеку? – недовольно протянула Настя. Не самое веселое времяпрепровождение, уж лучше дома сидеть...

– Да, на ВДНХ, – продолжала тетушка, делая вид, что не замечает вытянувшегося личика девочки. – Нет, это теперь ВВЦ. Короче, на выставку. Мне лекарства нужны и травы, а там выбор большой, да и подешевле... А ты возьмешь ролики, покатаешься. И я в прошлый раз видела там павильон, где продают много всего для художников. Хотела купить тебе подарочек, да я ведь не знаю, что нужно... ты мне поможешь с сумкой, и идти там далеко, а за это выберешь себе краски или что захочешь...

– Конечно, тетечка, конечно, я помогу!

Настя мгновенно повеселела, доела печенье и, чмокнув тетку, убежала домой.

Тетя Рая бросила еще один неприязненный взгляд на лежащий на краю стола рисунок. Вздохнула и решительно извлекла из шкафа потрепанную записную книжку в лаково блестящей твердой обложке. На обложке изображен был Кремль, еще без Троицких ворот и двуглавых орлов на башнях. Книжку эту она купила в семьдесят девятом году, а потому на башнях сияли рубиновым светом пятиконечные звезды.

Найдя нужную страницу, тетя Рая поудобнее устроилась в кресле, придвинула телефон и набрала междугородный номер.

– Лиля! – От тетиного голоса жалобно вздрогнули бокалы в буфете. – Лиля, это Рая! Ты еще не спишь? Ах да, время раннее. Как твоя печень?

Расспросив о здоровье и родне, тетя Рая перешла к интересовавшему ее вопросу:

– А что, Лиля, мне сказали, что у вас там, в Черновцах, появилась такая гадалка Роза и, говорят, она так просто творит чудеса!

Счет за междугородные переговоры обещал быть немаленьким, но это тетю Раю волновало меньше всего. Ее покойный муж Миша был стоматолог и умный человек, и благодаря его предусмотрительности и заботам племянника она не нуждается в деньгах. Однако, когда тетушка положила трубку, губы ее были крепко сжаты, и она просто чувствовала, как чертовое артериальное давление поднимается, сжимая голову тупой болью и заставляя глухо стучать сердце.

Лиля сообщила, что гадалка Роза действительно пользуется в городе известностью и берет за свои услуги немалые деньги. И что ни разу еще не ошиблась она в своих предсказаниях. А уж то, что по большей части предсказывает несчастья... Так жизнь сейчас сложная, а проблем их как много!

* * *

Поездка на выставку, намеченная на следующий день, удалась. У тетушки Раи, как, наверное, у многих москвичей, с этим местом было связано множество воспоминаний. Еще школьницей она с подружками ходила сюда гулять. И незаметно коричневые школьные платья с фартучками и туго заплетенные косы с лентами сменились модными платьями, темными очками и стильными стрижками. Она тогда уже встречалась с Мишей... А еще она очень любила гулять со своим племянником Марком. Миша предпочитал, чтобы его Раечка сидела дома и у нее была куча свободного времени. Детей им Бог не дал, и всю нежность и любовь Раечка отдавала племяннику. Ее сердце таяло, когда она шла по аллее, держа за

ручку маленького хорошенького мальчика с вьющимися волосами. Она терпеливо ждала, пока малыш возился в песочнице или играл на детской площадке. А уж если кто-нибудь из бабулек или мамочек говорил: «Какой у вас милый мальчик!» – счастьем Раи не было предела. И ведь так оно и получилось: Марк ей как сын. Его собственная мама всегда мало интересовалась ребенком, уехала жить в Израиль, потом перебралась в Америку... А Марк, дядя Миша и тетя Рая жили себе в Москве. Марк пошел по стопам дяди и тоже стал врачом-стоматологом. Он женился на милой женщине, и теперь тетя Рая гуляет по знакомым аллеям с Настенькой, которую любит больше, чем иные родных внуков.

Тетушка шла не спеша по широким аллеям выставочного комплекса, пока Анастасия нарезала круги на роликах. Глядя по сторонам, она думала: как жаль, что нет у этого прекрасного места одного хозяина. Такие просторы, красота, такие павильоны интересные. А все как-то разномасно, клочками. Здесь пригладили, там грязь оставили. Тут подстригли и цветочки посадили, а туалет найти по-прежнему проблема.

Настя, далекая от подобных практических рассуждений, была беззаботно счастлива. Она каталась на роликах, получила в подарок новый набор пастели и сделала эскиз одного из павильонов. В конце концов дамы приземлились в кафе, решив подкрепить свои силы перед финишной прямой до дома мороженым.

– Послушай меня, детка, – осторожно начала тетушка, дождавшись, пока девочка справится с первым шариком. – Я думала о нашем вчерашнем разговоре и кое-что разузнала об этой гадалке. И я не хочу, чтобы ты ходила в гости к Лизе, пока она у них гостит.

– Целую неделю? – с ужасом спросила Настя.

– Это не так уж долго. Пусть Лизочка приходит к вам почаще, или у меня можете встречаться.

– Но у тебя даже компа нет! И вообще... Это из-за того, что Роза хотела мне погадать? – Настя надулась. Она успела позабыть свои вчерашние страхи, и теперь ей хотелось того, что запретили. – Ты что, веришь во всю эту чушь? Подумаешь, мы вот с девчонками тоже гадали, когда я в гости ходила на день рождения к Таньке! И со свечами, и на картах. А потом еще играли в мертвую панночку, и ничуть не страшно было, и вообще, в наше время...

Тетушка терпеливо переживала поток возмущения. Когда девочка замолчала, она спросила:

– А если Роза скажет, что через год ты умрешь?

– Как это? – опешила Настя.

– Да вот так! Веришь не веришь, а думать ты об этом будешь. И целый год жизни превратится в кошмар. Или ты спросишь ее о будущем, а она объявит, что станешь ты не великой художницей, а самой обыкновенной учительницей русского языка.

Настя содрогнулась, вспомнив свою русичку. Собственно, она не считала Марию Петровну чудовищем. Обычная замотанная тетка, так себе одетая, с неухоженными руками, голос пронзительный, денег мало, проблем куча. То есть русичка представляла собой именно тот образ, который девочка-подросток никоим образом не желала ассоциировать с собой, гениальной, единственной и неповторимой. Нет-нет, этого не может быть! Но если услышать такое от гадалки... то вдруг рисовать расхочется?

Она искоса взглянула на тетушку:

– Ты поверила, да? И ты ее боишься?

– Ее – нет. Но я боюсь за тебя. Нет ничего хуже, чем знать будущее и не иметь возможности что-то исправить, хоть как-то помочь... Давай просто будем держаться подальше от недоброго и малопредсказуемого человека, хорошо?

И Настя согласилась. Само собой, можно было бы обмануть тетю Раю и сходить все-таки к Лизке, но... но перспективы узнать какую-нибудь гадость о себе не радовали. Да и тетушку обижать не хотелось. И Настя, в обмен на послушание, выпросила во временное пользование

халат с драконами (это будет яркий фон для натюрморта, восточные мотивы, как у Врубеля) и часть чайного японского сервиза из костяного фарфора (а лимон я куплю). Собрав таким образом необходимые ингредиенты, Настя принялась за натюрморт.

А буквально через день Роза и Рая столкнулись у подъезда. Гадалка возвращалась от единомышленников, а тетя Рая шла из магазина. Она набирала код на домофоне и слишком поздно заметила женщину, которую легко было опознать по сделанному Настей наброску. Теперь уж совсем демонстративно было бы задержаться у дверей или еще каким-то образом попытаться избежать встречи. Тетя Рая даже поздоровалась и пропустила гостью вперед. Когда обе они оказались у лифта, Роза взглянула на стоявшую рядом женщину и, улыбнувшись (неприятно и даже хищно, так показалась тете Рае), спросила:

– Вы Настина бабушка?

– Да.

– А что-то Настя не заходит, я ее все жду...

– И не придет, пока вы здесь, – отрезала тетя Рая.

– Вот как? – Улыбка мгновенно пропала, и гадалка нахмурилась.

– Да, так. Нечего детям голову дурью забивать.

– Это не дурь, это мой дар. Я и без гадания вижу, что над вашей Настей как облако висит, караулит ее беда.

Тетя Рая плюнула и сердито уставилась на Розу.

– Или вы думаете, я Семен не найду что рассказать? – сердито спросила она. – Да и без Семы... Найду чем ославить вас в Черновцах так, что без клиентов останетесь.

Роза глянула угрюмо и, ни слова более не говоря, вышла на своем этаже.

В этот вечер у тети Раи давление подскочило так, что Марку пришлось делать ей укол, и он даже остался ночевать на диване в гостиной: побоялся оставлять тетушку одну.

А на следующий день Роза пропала. Она не вернулась к ужину, ее мобильный не отвечал, и Циля, запершись в ванной, чтобы не пугать детей, сообщила новость мужу, а потом принялась обзванивать морги и больницы. Тетка не производила впечатления болезненной особы, но возраст все же солидный, так что все может быть. Ее худшие подозрения подтвердил звонок из милиции, но к этому моменту Семен уже прилетел домой, и потому Циля была избавлена от необходимости ехать на опознание. Он вернулся довольно быстро, при детях рассказывать ничего не стал, только кивнул на вопросительный взгляд жены. Родителям пришлось ждать, пока Оська отправится в кровать, а Лиза к себе в комнату, и лишь потом они смогли поговорить.

– На вот. – Циля принесла в спальню коньяк и шоколадку.

Семен отпил ароматную жидкость и благодарно ткнулся лбом в теплую руку жены.

– Ужасно было? – шепотом спросила та, садясь поближе к мужу.

– Да... запах там такой... И вообще обстановка.

– Так это точно тетя Роза?

– Да.

– Наверное, это из-за нагрузки. Все же пожилой человек, а носилась по городу как девочка. Целыми днями где-то пропадала, – пробормотала Циля, стыдась признаться, что испытала облегчение, узнав о смерти гадалки.

– А ты знаешь, куда она ходила? – быстро спросил Семен.

– Нет... Я особо не интересовалась. Она что-то говорила про коллег или единомышленников. Наверное, какой-нибудь оккультный клуб. Подумать только: позавчера свадьба, а сегодня такой ужас! Теперь придется нам заниматься похоронами. Надо позвонить агенту.

– Пока не надо.

– Что? – Циля, которая разбирала кровать и взбивала подушки, удивленно обернулась к мужу.

– Нам не выдадут тело, пока не закончится следствие. Или пока они не признают, что оно зашло в тупик.

– Сема, о чем ты?

Семен залпом допил коньяк, притянул к себе жену и быстро сказал:

– Роза умерла не от сердечного приступа. Ее убили.

Циля ахнула и испуганно прикрыла рот рукой.

– Ее нашли где-то в лесополосе за Кольцевой. Но следователь сказал, что убили ее в другом месте. И... и у нее были вскрыты вены на руке. Словно кто-то брал кровь.

– Ой, мамочки! Это все ее гадания и колдовские штучки! Но кто мог подумать, что это опасно?

Они помолчали, а потом Циля потребовала, чтобы муж не проболтался о случившемся при детях, в чем Сема и поклялся. И, уже засыпая, он вспомнил:

– Завтра милиция заедет, вещи ее посмотреть. С утра прямо.

– Сам их встретишь. Детей я увезу.

Но Лиза успела раньше. Она не могла не удивиться тому, что тетя Роза не пришла ночевать, потом бессовестно подслушала разговор родителей по телефону, слышала, что отца вызвали в милицию, и, сложив два и два, догадалась, что тетка умерла. И тогда она улучила момент, пока матери не было дома, вошла в комнату, где лежали вещи Розы, и быстро перерыла ее чемодан. Она совершенно точно знала, что ищет. Тетка показывала ей статуэтку Нефтиды. Пока Лиза, приоткрыв рот, таращилась на необычную вещь, Роза говорила и говорила:

– Это старинная вещь и точная копия статуи, которая стояла во внутреннем помещении храма Исеум... и в других храмах по всему миру. Это великая богиня, она хранит тайное знание и мудрость веков. Я принадлежу к числу избранных, к тем немногим, кто хранит тайны вечности и причастен к великому знанию. Когда ты немного подрастешь, я научу тебя и передам тебе знания... если захочешь.

С одной стороны, девочка не слишком серьезно восприняла эти слова, да и отец с мамой, понятно, будут против... Но с другой стороны, ей приятно было думать, что при желании она может стать чем-то большим, чем просто Лизкой или пусть даже Елизаветой Семеновной. Выделяться она любила и готова была для этого красить волосы в дурацкий розовый цвет и нить, как полагалось эмо, или идти на иные жертвы. И вот теперь надежды на величие рухнули: не обрести ей тайного знания, потому что тетя Роза умерла. Лиза была абсолютно уверена, что родители не захотят оставить на память даже самого незначительного пустяка из ее вещей. Мама ненавидела тетку. Она соберет все до единой вещи и отправит в Черновцы, пусть родственники разбираются. И кто знает, как черновицкая родня отнесется к статуэтке. Очень может быть, что снесут в скупку; и прости-поощай Нефтида. А так... Лиза решила, что тетка все равно завещала бы эти вещи именно ей. Не зря же предлагала научить мудрости и тайным знаниям!

И Лиза отнесла к себе в комнату деревянный ящичек, в котором хранилась завернутая в кусок темно-синего шелка статуэтка, и хорошенько спрятала. Еще она взяла небольшую, но тяжелую металлическую чашу, испещренную непонятными узорами и надписями. Чаша показалась ей древней и наверняка тоже имела отношение к культу великой богини. Насте Лиза по секрету рассказала о смерти тетки, но обе девочки чувствовали напряжение взрослых, не желавших обсуждать эту тему, а потому благоразумно помалкивали.

Лето потянулось для них своим чередом, но вот тетя Рая не находила себе места. Мысль о том, что Настеньке угрожает опасность, мучила ее днем и ночью.

* * *

В следующую пятницу тетя Рая помогала Лане купать близнецов. Они, как всегда, толкались в ванной, мальчишки орали то хором, то наперебой. Лана сунула очередного отпрыска в ванну и вдруг выпалила:

– Знаете, чего мне хочется?

– Чего, детка? – Тетя Рая баюкала на руках мальчишку, который тянул ручки, пытаясь добраться до блестящих сережек в ее ушах.

– Мне хочется остаться с вами и детьми, – сказала Лана. – Нам было бы хорошо и тихо. И готовить не надо было бы... то есть ничего калорийного и мясного.

– Я натушила морковки с кабачками, – быстро сказала тетя Рая.

– Спасибо. – На глазах Ланы выступили слезы. – Вы не думайте, я люблю Настю и Марка. Но я так устала... Мне бы хоть немножко передохнуть.

– А давай отправим их в отпуск! – осенило вдруг тетушку.

– Марка с Настей? – Лана растерялась. Вытащила из ванны малыша, завернула в простыню, чмокнула в нос, и все переместились в спальню. – Думаете, Марк согласится?

– Ой, Лана, если ты захочешь, он согласится на что угодно, хоть на обрезание.

– Ну, этого, пожалуй, не надо. А насчет отпуска стоит подумать.

И она подумала, и мысль эта так ей понравилась, что, выбрав удобный момент, Лана озвучила ее мужу.

– Ты уверена, что не хочешь поехать со мной? – Голос Марка звучал почти жалобно.

Лана возвела очи горе и всплеснула руками жестом почти библейским. Однако потом она посчитала про себя, чтобы немного успокоиться (правда, только до пяти), и ответила:

– Нет, дорогой. То есть да, я хотела бы, но не сейчас... Мы еще успеем съездить на отдых все вместе, но попозже, например, будущим летом. Короче, пока я хочу остаться дома.

Лана и Марк сидят на диване в гостиной, и она удобно привалилась к его теплому плечу, прикрыла глаза; и спорить с мужем совершенно не хочется, а хочется просто тихо посидеть, может, даже подремать... Дети спят в другой комнате, и дверь туда приоткрыта, чтобы слышать, если полугодовалые мальчишки проснутся. Тетя Рая вяжет в кресле у окна, ветерок чуть шевелит занавески, потому что окно открыто, и со двора слышен детский гомон и вдалеке гудки автомобилей. Звуки эти вплетаются в негромкую и неинтересную речь телевизионного диктора, и все вместе создает такую идиллию, что все чувствуют умиротворение и расслабленность.

Так хорошо сидеть и ничего не делать. Просто застыть во времени, как насекомое в янтаре. Мысли отступили куда-то на край сознания и не тревожат, да и нет особо никаких мыслей, просто ощущение, что все сейчас хорошо, ну и слава богу.

Убаюканная телевизором, Лана задремала было, но Марк все испортил. Конечно, он не может просто тихонько посидеть, с досадой подумала женщина. Каких-то полчаса назад она еле выгнала мужа из спальни, чтобы он не сопел и не мешал детям спать. И теперь, вместо того чтобы помолчать вместе, переполняясь спокойствием и умиротворением летнего дня и семейного счастья, он опять будет приставать с дурацкими вопросами об отпуске. Лана вздохнула и, оторвавшись от мягких диванных подушек и Марка (не такого мягкого благодаря занятиям в спортзале, но весьма приятного на ощупь), села прямо. Есть хочется. Вот пока дремала – не хотелось, а теперь опять. Прокормить двоих малышей грудным молоком непросто, и есть все время хочется просто патологически. Тетя Рая – дай ей, Господи, здоровья – все понимает и то яблочек напечет, то морковки с изюмом натушит, то бульончик сварит с тефтельками... рот наполнился слюной. Но ведь я ела час назад. Всего какой-то час! Мне никогда не похудеть,

если я буду все время жевать. Но если я не буду питаться, то молоко станет как вода, и детям не будет хватать витаминов. Они, к сожалению, упорно отказываются есть что-нибудь кроме мамы, и молоко сейчас очень важно. Может, там еще рыба вареная осталась? В животе заурчало. Лана вздрогнула, закрыла глаза и представила свои любимые голубые джинсы... и как они сиротливо лежат на полочке в шкафу, потому что на ее попу не налезают. Я потерплю еще час, а потом пойду и проверю, как там рыба. В животе заурчало еще громче. Ну ладно, через полчаса...

– Тогда, может, отправить Настю с тетей Раяй на море? А я бы остался и помогал тебе, – не унимался Марк.

Лана бросила на него косой взгляд. Нет, он хороший и любит ее и детей, но иногда убить мужа хочется безмерно. Вот просто руки чешутся. Мне бы хоть пару недель, я бы массаж подделала, выпалась... глядишь, и перестала бы вздрагивать при виде собственного отражения в зеркале.

– Но тебе тоже надо отдохнуть... – сказала Лана уверенно. – А тетя Рая так успокаивающе на меня действует, что я не могу ее отпустить. Да и не надо в ее возрасте на море ездить. Давление опять подскочит...

– И все же мне не хочется оставлять тебя одну.

Марк потянулся было поцеловать жену, но та вдруг вскочила и (не успела начать считать!) выпалила:

– А я хочу остаться одна! Понимаешь? Нет, ты ничего не понимаешь!

Марк удивленно таращил глаза, глядя на захлопнувшуюся перед его носом дверь в спальню. Потом вышел в коридор и заглянул в комнату Насти.

В первый момент у него возникло желание зажмуриться: четырнадцатилетняя Настя занималась в художественной школе и мечтала стать настоящей художницей. В данный момент у нее наступил период увлечения импрессионизмом. Все стены увешаны были репродукциями Моне и Мане, Ренуара и Ван Гога вперемежку с работами самой Насти. Подсолнухи рядом с маковым полем, полный солнечных бликов сад в Живерни и горожане на пикнике. А на противоположной стене – руанские соборы и портрет Настиной школы. До того момента, как Анастасия изобразила свое учебное заведение в стиле Клода Моне, оно казалось Марку весьма заурядным. Проект типовой, стены выкрашены немаркой блекло-желтой красочкой и украшены белыми псевдоколоннами. Но в исполнении юной художницы школьное здание приобрело явно inferнальные черты: колонны портика и оконные рамы казались натянутыми веревками, обвивавшими здание в тщетной попытке сдержать нечто, рвущееся изнутри, двери уже выгнулись наружу и грозили вот-вот треснуть, газон дыбился, а небо окружало школу недобрым светом, придавая картине мрачность и вызывая (у Марка по крайней мере) стойкое ощущение неприязни ко всему, с этим местом связанному.

Поморгав, Марк нашел глазами девочку. Та пристроилась на широком подоконнике и что-то деловито писала в тетрадке, не обращая внимания на внешние раздражители, потому что ушки ее были спрятаны под наушниками. Голова периодически подергивалась в такт музыке. Ноги отбивали ритм, и Марк предпочел не думать, каким почерком будет написана та домашняя работа. Убедившись, что их с Ланой разговоры не потревожили девочку, он вернулся в комнату.

Тетушка деловито вязала что-то из светло-салатовой шерсти, очки она сдвинула на самый кончик носа и, шевеля губами, считала петли. Но как только мужчина двинулся в спальню, тетя Рая, не повышая голоса, сказала:

– Не ходи туда.

– Но я хотел ее успокоить...

– Она гораздо быстрее успокоится, если ты оставишь ее в покое.

– Да? Ну хорошо.

Марк сел на диван, взял было в руки медицинский журнал, где вчера заложил интересную статью, но как-то в голову ничего научного не лезло.

– Наверное, у нее послеродовая депрессия, – изрек он глубокомысленно. – Ничего удивительного, выносить двойню дело непростое, а потом у бедняжки буквально минутки не было свободной за все полгода. Я, конечно, старался помогать, но все равно она устает, и мне ее так жалко... Что подтверждает мою мысль о том, что именно Лана больше нас всех нуждается в отпуске, а мне никак нельзя уезжать.

От окна донесся негромкий звук – тетушка презрительно фыркнула.

– Или я не прав? – Журнал полетел в угол, жалобно взметнув страницы. Мысли Марка приняли новое направление. – Может, я ее чем-нибудь обидел?

Тетя Рая поджала губы, и спицы замелькали над вязаньем с устрашающей быстротой.

– Нет, я все же думаю, что Лана просто устала. Она не высыпается из-за детей. И я тем более не могу ее оставить и уехать куда-то отдыхать. Я проведу этот отпуск с женой и буду помогать с малышами. Но вот Настя... Ей бы надо сменить обстановку, а то эта школа замучила бедную девочку окончательно! И она так мечтала куда-нибудь съездить... О! Я тут где-то видел рекламу пионерского лагеря. – Марк потянул к себе ноутбук. – Ну, то есть не пионерского, конечно. Сейчас это называется по-другому, но суть та же. Свежий воздух, командный спорт, вечера у костра и все такое. Уверен, Настя не будет против. Там было так прекрасно написано... кажется, это где-то в Словакии, на озерах... Сейчас найду. И Насте гораздо интереснее будет со сверстниками, чем со мной.

– А уж чего она наберется от этих сверстников в том лагере – вот что самое интересное! – Тетушка перестала звенеть спицами, опустила вязанье и взирала на своего любимого племянника поверх очков с чувством глубокого сострадания. – Марк, мальчик мой, ты знаешь, что я тебя люблю.

– Э-э... – Вступление Марку не понравилось, но чувства тетушки отрицать он не мог, а потому кивнул.

– Кроме того, я готова признать, что ты хороший муж и заботливый отец... – Она вздохнула, увидев на губах племянника блаженную улыбку. – Но позволь тебе заметить, мальчик мой, ты дурак.

– Да? – Марк растерялся. – Почему это?

– Не знаю... В отца, наверное. Впрочем, я не о том. Послушай моего совета: оставь Лану в покое и съезди куда-нибудь вдвоем с Настей.

– Но я не могу оставить ее одну!

– А если она мечтает остаться в одиночестве?

– Не понял!

– Ну, это не ново. – Тетушка вздохнула. – Марк, ты очень заботливый отец, и ты можешь все и все делаешь... разве что грудью не кормишь. Но Лана, мне кажется, хочет немного прийти в себя. Стать не только мамой, но и опять красивой женщиной, понимаешь? – Марк дернулся было, но тетушка не дала ему вставить слово. – Я не спрашивала, что ты думаешь по этому поводу! Важно, что думает она. А ей хочется сделать маску на лицо и не опасаться, что ее полоумный муженек примчится в неурочный час с работы проведать свое семейство. Хочется поспать лечь пораньше, а не проверять Настины уроки.

– Я предлагал...

– Ай, Марк, что у тебя в институте было по психологии? Девочка будет ревновать мать к малышам, если та не станет уделять ей внимания! Лана все делает правильно, но она заслужила отдых. И удобнее всего отдыхать ей будет дома, но чтобы в этом доме стало немного тише и меньше народу. Я помогу с детьми, да и Циля обещала заходить.

– Мама Лизы, Настиной подружки? Какой с нее толк?

– Если она вырастила двоих детей, то уж побольше, чем с тебя! – сурово отрезала тетушка и опять сердито зазвенела спицами.

Некоторое время Марк пребывал в растерянности. Слова тетушки представили картину поведения жены в неожиданном для него свете. Неужели Лана действительно предпочла бы, чтобы он уехал? Марк опасливо взглянул на дверь спальни, но там все было тихо. Очень хотелось выйти на балкон, сесть в плетеное кресло-качалку и подумать, там всегда особенно хорошо думается.

Тетушка, отложив вязанье, встала и отправилась в кухню. Оттуда раздавалось негромкое позвякивание, должно быть, тетя Рая ревизовала содержимое кастрюль. Марк проскользнул на балкон и с удовлетворенным вздохом устроился в кресле.

В сто раз виденном пейзаже двора взгляд отыскивает незначительные перемены. Грибок над детской песочницей покрасили в зеленый цвет... Интересно, почему? Прежде был красный мухомор с белыми пятнышками, а теперь нечто психоделическое получилось. Песочница усилиями малолетних строителей и бабушек, таскающих песочек для кошек, опять обмелела. Если в течение лета не привезут новый песок, надо будет позвонить в местную администрацию и поругаться... Вон новая «тойота», красивый джип. Скоро пора будет подумать о машине побольше. Какие длинноножки идут... Наверное, из колледжа. Краем глаза замеченные подробности и детали достаточны, чтобы картинка не стала скучной, но в то же время не слишком радикальны и не мешают думать о своем. И кресло так славно скрипит, тихонько. Как мачта на корабле... хотя черт ее знает, мачту, как она скрипит. Помнится, он пару раз катался на яхте. По подмосковным местам, но тогда народу было много и пьяные они были здорово. Звон бутылок и молодецкие крики, да, это было хорошо слышно, а вот остальное...

И была та поездка в Италию. Это было давно, задолго до Ланы. Он бродил «дикарем» по маленьким прибрежным городкам, таскал за собой не слишком удобную сумку и все думал о том, что надо бы купить рюкзак. Но с другой стороны, зачем рюкзак, если от города до города всегда можно добраться на попутке, грузовичке или местном автобусе? Пешком Марк ходить не очень любил. Зато, попадая в новый городок или деревню, обязательно находил что-то милое и красивое. Вот, например, дом с синими ставнями. Беленые стены, черная, в серебристо-серых подпалинах крыша – и густо-синие, цвета морской глубины, ставни. Недавно покрашенные, они лаково отблескивали в лучах утреннего солнца. И сразу становилось понятно, что там, за этими ставнями, скрывается прохлада и на столе обязательно стоит оплетенная бутылка с молодым вином и хлеб грубого помола, с семечками, вымешенный руками и испеченный сегодня хозяйкой или местным булочником. Его так вкусно ломать (а не резать). И здорово было бы провести жаркие полуденные часы в полутемной комнате или в тени того старого дерева, что накрывает тенью внутренний дворик.

Марк устался на дверь дома в надежде увидеть сердобольную крестьянку, готовую угостить путника хлебом и вином... и хорошо бы еще сыром, пусть и не безвозмездно. Но на пороге показалась стройная женщина в красном топике и голубых джинсовых шортиках. Марк одним взглядом охватил ее всю – от светлых волос, забранных в хвост, небольших, остро торчащих грудей, до плоского живота и невероятно длинных и загорелых ног, и неожиданно для самого себя выпалил:

– Обалдеть! Если здесь такие крестьянки – я согласен возделывать местные поля, что бы они там ни выращивали.

Женщина повернулась к нему и, смеясь, оглядела восхищенно взирающего на нее молодого мужчину:

– Я не крестьянка, я матрос, нет, как это...

– Морячка? – подхватил Марк.

– Да-да. На яхте. Покупаю провиант для плавания.

Говорила она с сильным акцентом и не очень правильно, но разве это важно? Глаза женщины лукаво блестели, кожа золотилась ровным загаром, и Марк уже мечтал стать юнгой на ее корабле. Вслед за прекрасной морячкой на крыльце показалась хозяйка дома – женщина в годах, с обветренным лицом и большими руками. Она вынесла на крыльцо корзину с продуктами. Марк галантно вызвался помочь с доставкой провизии на борт яхты. А потом нахально добавил, что если его пригласят на обед, то он хотел бы внести свой вклад в трапезу.

Женщина опять рассмеялась, откинув голову и блестя влажными зубами. И неожиданно согласилась, что совместный обед – хорошая идея. Марк на ломаном французском потребовал пару бутылок лучшего местного вина и фруктов. И сыр. И хлеба. Хозяйка, не выразив ни удивления, ни каких-либо других эмоций, наполнила продуктами вторую корзину, получила деньги и закрыла дверь дома.

Марк отдал женщине свою нетяжелую сумку, подхватил две изрядно нагруженные корзины и пошел к причалу следом за морячкой, глядя на маячившие впереди длинные ноги и прямые плечи. Мари оказалась полькой по происхождению. Сказала, что замужем за французом. У пирса покачивалась красивая белая яхта...

– Надо бы балкон закрыть, дует.

Марк вздрогнул и бросил опасливый взгляд на тетю Раю, но та, выпроводив его в комнату и закрыв дверь, уселась в кресло, спокойно вязала и мыслей его слышать не могла. Он лег на диван, закрыл глаза и принялся вспоминать, как здорово было на яхте. Да, тогда-то он и слышал негромкий скрип мачты. Они с Мари лежали на застеленной шелковым бельем кровати; из деревушки доносился звук церковного колокола, возвещавшего о начале вечерней службы. Вода шуршала, поглаживая белые борта лодки, и непонятно переговаривались меж собой снасти – постанывали, поскрипывали, но негромко. Наверное, они прислушивались к тому, что происходило в каюте.

Марк вздохнул. Да, это было... и было это хорошо. Они с Мари готовили еду, занимались любовью, потом пошли гулять и нашли бухточку, скрытую от посторонних глаз нависшими скалами. Вода была холодновата, и водоросли, выброшенные на берег, пахли резко и горько. Но они все равно купались и занимались любовью. В воде, потом на берегу. Потом вернулись на яхту, и Мари, осушив бокал прохладного терпкого вина, вытянулась на белоснежных простынях. И, глядя на ее загорелое тело, устоять было невозможно. А на следующее утро она сказала, что ей пора. Марк сошел на берег и смотрел, как Мари ловко управляетя со штурвалом. Негромко урчал мотор, и яхта, покачиваясь на волнах, пошла прочь от берега. Мари обернулась, помахала ему, послала воздушный поцелуй. И Марк отправился дальше по пыльным дорогам теплой и радостной Италии и ни на минуту не пожалел ни о самом приключении, ни о его краткосрочности.

Марк встал, сходил в кухню и достал из холодильника бутылку воды. Надо в спортзал, что ли, начать ходить. Ежу понятно, откуда эти мысли. Лана так устает последнее время, что до секса дело у них доходит не так часто, как хотелось бы. Так что энергию надо куда-то девать.

– Мама, кто звонил? – Лиза выглянула из ванной, придерживая на голове тюрбан из полотенца. Одновременно она искала глазами мелкого пакостника, который, пока она мыла голову, развлекался тем, что включал и выключал в ванной свет. Вообще-то в «мойдодыре» была хорошая подсветка, и Лиза не особо страдала от проделок младшего брата, но спускать ему хулиганские выходки не собиралась.

Братик обнаружился на полу среди деталей конструктора «Лего», и, пока мать сосредоточенно добивалась чего-то от своего iPod, Лиза быстрым движением пнула только что собранный Оськой самолет. Само собой, крылья у игрушки тут же отвалились, шасси подогнулись. Лиза опрометью выскочила из комнаты, закрыла за собой дверь и, придерживая створку, за

ручку которой с той стороны тянул Оська, встретила вопросительный взгляд Цили безмятежным взглядом.

– Тетя Рая звонила, – сказала мать.

– Зачем?

– У Марка отпуск, и они с Ланой решили, что ему нужно куда-нибудь съездить. Заодно и Настя в море искупается. Сейчас, я нашла номер Ирочки из турагентства, такая милая девушка...

Лиза позабыла на время позиционную войну с братом и с интересом прислушивалась к маминым переговорам по телефону. Минут через десять стало очевидно, что купаться Настя будет в Ионическом море, потому что поедут они с Марком в Грецию, на остров Корфу, там есть такое спецпредложение от отеля...

И тут Лиза словно услышала голос тети Розы, когда она рассказывала ей о культе Исиды-Нефтиды.

Внутреннее помещение храма не имело окон. Только специальные узкие шахты для доступа воздуха проложили искусные строители в толстых каменных стенах. Здесь горели масляные лампы и факелы, их неверный, колеблющийся свет ласкал статуи, повторяя изгибы совершенных тел, и порой они казались более живыми, чем застывшие в ритуальных позах люди.

На какой-то момент в большом зале воцарилось гробовое молчание. Каждый день жрицы и жрецы могли лицезреть статуи сестер-богинь, но все равно каждый раз у них перехватывало дух. Тело Исиды, изваянное из мрамора, казалось, излучало мягкий свет. Золотистая ткань священных одежд окутывала ее фигуру, скрывая соколиные крылья. Над гордо поднятой головой высились рога, и солнечный диск меж ними сверкал так, как может сверкать только настоящее золото.

Стоящая напротив сестра не прикрывала свое тело одеждами. Темный камень изваяния казался то красноватым, то черным, то походил на кожу африканских цариц. Нефтида была обнажена, и ее фигура поражала совершенством женских форм. За спиной вздымались черные крылья, и рога с солнечным диском зеркально повторяли символ Исиды.

Жрец опустил голову, и из груди его вырвался едва слышимый вздох. Даже он – посвященный высшего порядка, прошедший мистерии и приобщенный тайн, постигший многое в прошлом и будущем, – даже этот могущественный и знающий человек не мог задержать взгляд на лице Нефтиды дольше чем на несколько секунд. Черты лица статуи были столь же идеальны, как и тело, но несли в себе такое ощущение силы и угрозы, которое в любом живом существе вызывало животный страх.

Роза успела рассказать, что ее прадед служил в румынской армии, но, когда началось восстание греков против владычества Османской империи, он присоединился к отрядам мятежников, которыми командовал Александр Ипсиланти...

– Э-э, это было до революции 1917 года или после? – осторожно поинтересовалась Лизавета, которая весьма смутно представляла себе мировую историю вообще и историю Греции в частности.

Тетка взглянула на нее с укором.

– Нужно помнить предков и историю своего рода, – заметила она. – Тогда и дурацких вопросов не возникнет. Война Греции за независимость началась в двадцатых годах девятнадцатого века. Греков многие тогда поддерживали и в России, и в Европе. Так вот, после принятия конституции и окончания войны мой прадед остался в Греции, женился там на местной девушке и в качестве бизнеса занялся, так сказать, вопросами антиквариата. Археологии тогда как таковой еще не было, законов по этому поводу тоже, а в Европе, в связи с писаниной лорда

Байрона и прочими событиями, как раз возникла мода на все античное... Тогда-то и было заложено благосостояние нашего рода.

«То есть этот славный прадед тырил античные вещички и продавал в Европу, – сообразила Лиза, – и потому разбогател».

– И статуэтку он привез из Греции, – продолжала вещать тетя Роза. – Просто до меня никто не интересовался ее происхождением, и даже имени ее не знали...

Итак, статуэтка Нефтиды прибыла из Греции!

И вообще, Греция – колыбель мудрости и искусства... и почему это Настька будет купаться, а она, Лиза, должна как дура сидеть в этой пыльной Москве, откуда почти все приятели разъехались?

– Мама, я тоже хочу в Грецию!

Марк вернулся домой с работы, припарковал машину, поднялся на свой этаж и притормозил, чтобы разминуться с Цилей.

– Марк, вы просто чудо! Спасибо вам огромное! – На секунду Марку показалось, что соседка собирается броситься ему на шею, и он даже сделал шаг назад, но Циля ограничилась воздушным поцелуем и прочувствованным вздохом, который колыхнул ее большую грудь в вырезе цветастого платья.

– Да? – ошарашенно пробормотал Марк, протискиваясь в свою квартиру и с опаской поглядывая в сторону лестничной клетки, где постукивали каблучки соседки.

Лана встречала его у дверей. Скорее всего, она провожала Цилю, с которой он только что столкнулся, но мужу хотелось думать, что именно его ждали с таким нетерпением.

– Ты слышала? – спросил он не без гордости. – Я чудо! Только я не понял, за что было спасибо и вообще, с чего это она такая счастливая.

Лана заулыбалась, ресницы ее дрогнули, и она уставилась на мужа честными глазами. А потом торопливо спросила:

– Устал? Давай проходи скорее, ужин горячий. Тетя Рая такие голубцы сделала – это что-то волшебное! Настя съела целый... и я тоже... два.

Марк снял в прихожей обувь и отправился мыть руки. Потом переоделся в домашнее и явился на кухню.

Правда, он не удержался и по дороге заглянул в детскую. Там царила полная гармония. Близнецы развлекались, лежа на пестром детском коврике. Над ними на специальной штанге был укреплен целый набор погремушек и разноцветных фигурок. Игрушки качались, позвякивали, попискивали, концентрируя на себе внимание малявок. Настя сидела рядом на полу и, если кто-то из мальчишек начинал терять интерес к происходящему, тут же увлекала его новой игрушкой. Марк поздоровался с Настей, которая, не отвлекаясь, бросила через плечо:

– Привет, привет. Иди есть, там голубцы. А я пока с мелкими посижу...

На тарелке уже исходили паром замечательные голубцы. Жена улыбалась ласково. Тети Раи видно не было.

Марк Анатольевич, муж, отец, стоматолог и доктор наук, успел к сорока годам нажить некоторый опыт. И его искушенный в общении с женщинами внутренний голос настойчиво посоветовал ему вплотную заняться ужином, а все разговоры оставить на потом.

Но человек существо нетерпеливое. А любопытство – не только двигатель прогресса, но еще и причина множества неприятностей.

И вот любопытство и некоторое чутье образовали слаженный дуэт и хором принялись нашептывать Марку, что дело тут нечисто. И Лана не просто так улыбается. И Настя изображает заботливую сестру с тайным умыслом. Не думайте, что это первые признаки паранойи. Но ведь практически все предыдущие полгода вечера проходили несколько по иному сценарию! То есть еда в доме была, и по большей части приготовленная той же тетушкой. Но когда

Марк приходил вечером, то на него либо шикали, чтобы он не разбудил мальчишек, либо кричали, стараясь переорать двух горластых и чем-то недовольных младенцев. Иногда младенцы паслись во дворе с тетей Раей, а Лана пребывала в дурном настроении, потому что устала или потому что ей нужно срочно прибраться, а тут Марк пришел... Настя либо сидела в своей комнате, либо отправлялась к подруге Лизавете, бросив на ходу: «У нее, конечно, тоже брат есть, но он хоть не орет все время и не какается уже».

Ну, опять же у Марка имеется куча друзей и знакомых, у некоторых есть один ребенок, у других – уже и не один, так что он вполне понимал, что сумасшедший дом с памперсами и урочными и внеурочными кормлениями не может длиться вечно. Это пройдет, и наступит пора первых зубов, открывания шкафов и залезания во все места, куда лезть не стоит. А потом разбитые коленки и лбы, мячи и велосипеды... не этого ли он ждал так давно? Само собой, трудно получить удовольствие от постоянного недосыпания, но Марк принимал этот период как должное. Он был так счастлив, так горд своими мальчишками, что даже не говорил об этом. Когда знакомые и коллеги спрашивали, как дела дома, он хмурился, качал головой и рассказывал очередную «страшную» историю про то, что памперсы кончились в середине ночи и пришлось бежать в дежурную аптеку.

Короче, у него присутствует ощущение, что все идет своим чередом. Поэтому сегодняшняя показательно идиллическая встреча мужа и отца, вернувшегося домой после трудов праведных, довольно сильно выбилась из привычной картины. Марк мгновенно понял, что женщины ведут себя неестественно и подлизываются к нему. А когда женщины подлизываются? Правильно, когда они что-то натворили и чувствуют себя виноватыми.

Поэтому вместо того, чтобы приступить к голубцам, Марк отодвинул тарелку и строгим голосом спросил:

– Что случилось?

– Случилось? – Лана, которая доставала из шкафа высокие бокалы для вина, обернулась. – А что должно случиться?

– Жена, не морочь мне голову! Рассказывай!

– Марк, я не понимаю, о чем ты? – Бокал тонко звякнул о стол, красное сицилийское вино наполнило его прозрачность темно-красным объемом, пахнущим солнцем и виноградом. Себе Лана налила сок, села за стол и с тревогой воззрилась на Марка. – Ты что-то плохо выглядишь, милый. Тетя Рая права: ты слишком много работаешь и тебе просто необходим отдых.

Марк открыл было рот, но, подумав, решил пока воздержаться от комментариев и дальнейших вопросов. В какой-то книжке... кажется, у Моэма в романе «Театр» был замечательный совет по поводу пауз. Дословно не помню, но смысл в том, что не надо делать лишних пауз. Но уж если ты ее, эту чертову паузу, сделал – тяни, сколько сможешь.

И Марк сел за стол, отпил вина и принялся за голубцы. Молча.

Лана маленькими глотками пила сок и смотрела на сидящего напротив мужчину, который деловито расправлялся с голубцами. Прошло несколько минут, и улыбаться ей стало весьма непросто. Марк молчал. Вот зараза, беззлобно подумала женщина. Он очень хороший. Он отец моих детей. И я его люблю. Мне потребовалось довольно много времени, чтобы убедиться в этом. И немалое количество пережитых вместе трудностей и опасностей². Теперь все у нас хорошо, и после рождения мальчишек счастье стало полным... таким полным, что страшно иной раз его сглазить. Но почему же ей, счастливой замужней женщине, так хочется убить сидящего напротив любящего мужа?

– Марк, я хотела тебя попросить...

– Мм?

– Понимаешь, я...

² Подробности в романах «Рыцарь для дамы с ребенком» и «Найти друг друга».

Звонок в дверь. По непредсказуемости и катастрофичности звонок в дверь даже хуже, чем телефонный. Телефонный звонок порой можно как-то предчувствовать. Например, за несколько секунд до сигнала случаются помехи на радио, а некоторые люди так и вовсе ощущают что-то вроде щекотки, будучи, видимо, особенно восприимчивыми к электромагнитным волнам (или другим волнам?). Но ни разу Марку не удалось предвидеть звонок в дверь. Вот и теперь он обреченно вздохнул: Лана убежала в прихожую, из спальни донесся рев близнецов. Черт, пропала такая классная и с таким трудом выдержанная пауза. Он встал и двинулся в спальню. Но не тут-то было. Входная дверь распахнулась, и в квартире сразу стало тесно и шумно. Первой в комнату влетела Лиза.

– Настыка! – завопила она. – Ты едешь за покупками? Сегодня как раз ночь шопинга в «Европейском», везуха! Мама нас везет, прикинь, как ей не терпится от меня избавиться!

– Сборы – это всегда удовольствие. Так зачем откладывать? – радостно улыбалась в коридоре Циля, мама Лизаветы. – К тому же нам еще ни разу не удалось купить все необходимое с первого раза. Только вы девочке денег не давайте, лучше я сама заплачу, а потом по чекам разберемся, а то мне с ними двумя не сладить.

– Лизка, сейчас иду! – раздался из спальни голос Насти. – Эй, Марк, иди смотри за своими мелкими! Кто-то из них обкакался, по-моему... а может, и оба.

– А-а! – Это близнецы.

– Циля, я не успела... – Это робкий голос Ланы.

– Марк, я вам так благодарна, – не слушая ее, продолжала Циля, вдвигаясь в прихожую и вынуждая остальных отступать перед напором ее бюста. – И я уверена, что могу полностью на вас положиться. Все же семейный человек да еще врач...

Марк ошалело хлопал глазами. Жизнь, казалось, обрела привычно шизоидный темп и громкость, но у него возникло стойкое ощущение, что он что-то пропустил, причем весьма существенное. Возможно, даже нечто жизненно важное.

Мимо него змейкой проскользнула Настя, подхватила Лизу, и вдвоем им как-то удалось выдавить маму Цилю из квартиры. Закрыв за ними дверь, Лана метнулась в спальню и занялась мальчишками. Закончив смену памперсов, помывку и удовлетворенно обзрев улыбающиеся рожицы младенцев, Марк и Лана обнаружили, что в комнате повисло напряженное молчание.

– Я, наверное, не должна была этого делать, – Лана виновато склонила светловолосую голову, – но у Цили есть подруга в турагентстве. И она так быстро все подобрала, и цена нормальная получилась, и Настя так просила...

– Я никак не могу понять, что именно тут происходит, – рявкнул выведенный из всякого терпения Марк. – Чего именно хотела Настя на этот раз? Мою шкуру на стену спальной?

– Не говори глупостей! – вскинулась Лана. – Между прочим, она тебя любит и уважает... мне вообще кажется, что у тебя с ней контакт гораздо лучше, чем у меня!

– Потому что я отношусь к ней как к женщине: то есть осторожно и в любой момент ожидаю какой-нибудь гадости. И стараюсь не поворачиваться спиной.

– Да что ты? Знаю я, почему ты стараешься не поворачиваться к женщинам спиной, и не надо мне тут стрелки переводить! Вчера твоя аспирантка весь телефон оборвала: «Где Марк Анатольевич? Он же должен уже быть дома!» Вот мне интересно, откуда она знает, где ты должен быть, и какое ей до этого дело? А эта твоя Маша?

Марк растерянно заморгал. Переход от Насти к аспирантке, а с аспирантки на Машу получился каким-то очень уж быстрым.

– При чем тут Маша? – осторожно спросил он.

– При том! Зачем она вчера вечером так поздно звонила?

– Чтобы на прием записаться... у нее винир полетел.

– Чтобы записаться, пусть звонит в поликлинику, а не на дом! И что ты с ней обсуждал в ванной целый час? Ее виниры?

Младенцы, лежа на широкой родительской кровати, с интересом слушали взрослых, тараща круглые глазенки то на одного родителя, то на другого. Должно быть, они решили, что это такое специальное развлечение для малышей. Что-то вроде радиопьесы или тех песенок, что напевает мама.

Марк открыл было рот, собираясь опровергнуть эти абсурдные обвинения... не обвинения даже, а просто глупые придирки, но тут зазвонил телефон.

– Да что же это такое? Нам дадут спокойно поговорить или нет? – В два шага он выскочил в гостиную и схватил трубку: – Да?

– Марк, мальчик мой, я хотела тебя попросить. – Голос тети Раи звучал ласково-журчаще. – Ты же все равно будешь покупать какие-нибудь сувениры, так, чтобы не тратиться на барахло, я тебе написала списочек, что мне нужно...

– Какие сувениры? – тупо спросил Марк.

В трубке воцарилось молчание, потом тетушка вздохнула и сказала:

– Я, пожалуй, попозже позвоню.

И повесила трубку, прежде чем он успел хоть что-то спросить.

Марк аккуратно положил трубку на базу, вернулся в спальню, сел на кровать и, не глядя на жену, велел:

– Рассказывай. Я уже хочу знать, куда я еду. И что еще вы тут придумали. И если кто-нибудь позвонит, не вздумай отвлекаться.

Что ж, ближайшие перспективы, обрисованные Марку женой, трудно было назвать радужными. Шустрая Циля подвизала свою подружку на поиск тура для мужчины с ребенком, а потом выяснилось, что мужчине с двумя детьми вообще все и везде будут очень рады. А уж Настя, услышав, что есть перспективы поехать в отпуск с любимой подружкой Лизаветой, и вовсе вцепилась в мать как клещ и ныла до тех пор, пока полностью деморализованная Лана не сдалась. Так и оказалось, что Марку нужно срочно брать отпуск, потому что уже через два дня самолет унесет его, Настю и Лизу на солнечный остров Корфу, где их ждут все прелести отеля системы «все включено».

– Это действительно очень хороший отель, я читала отзывы в Интернете, правда, наши русские туда особо не ездят... Но только потому, что место не тусовочное. Уютная бухточка на живописном берегу, зеленая территория, неподалеку небольшой городок. Хозяин отеля – немец, поэтому питание будет вполне качественное. Там есть теннис, бильярд, аэробика, уроки танцев, так что можно устроить так, что девочки будут заняты целый день, а ты сможешь отдохнуть...

* * *

Утром следующего дня, собираясь на работу, Марк убедил себя, что ничего особо катастрофического не случилось. И вообще, две девицы четырнадцати лет – это гораздо лучше, чем одна такая девица, потому что они будут заниматься друг другом, болтать, вместе купаться, слушать музыку, учиться теннису и танцам... что там они еще делают, я не знаю. И в результате на его, Марка, долю выпадает почетная роль мудрого пастыря, который будет за девушками присматривать и тихо наслаждаться заслуженным отдыхом. Чтобы не умереть со скуки, возьму с собой нетбук и наконец-то напишу статью, которая давно запланирована и материал собран, а вот времени сесть и написать никак не найти.

Вообще-то раньше он никогда не ездил по системе «все включено», потому что перспектива есть не то, что хочется, а то, что дают, глубоко противоречила представлениям Марка о правильном отпуске. Заранее оплатив питание на солидную сумму, человек привязывает себя к территории отеля на большую часть отпуска, лишаясь таким образом нечаянных гастрономических радостей и приключений.

Но теперь, ощутив себя многодетным отцом, Марк осознал, что в подобной системе есть масса преимуществ. Можно не волноваться о том, где поесть в следующий раз, не экспериментировать с особенностями местной кухни. Ну а если захочется разнообразия, то его всегда можно найти в ресторане *a la cart* или выбравшись в какое-нибудь экзотическое местное заведение. Опять же подобные отели, как правило, присматривают за своими постояльцами. Что с точки зрения безопасности очень даже неплохо.

Последние дни прошли в суете улаживания дел на работе и сбора вещей дома. Марк послушно просмотрел список лекарств, который ему выдала с собой Лана, и что от чего нужно принимать, потом жена ушла заниматься близнецами, зато явилась Циля с увесистым пакетом.

– Так, Марк, смотрите сюда. Это книжки, которые они должны прочесть. Я специально ходила в школу и взяла список у преподавательницы литературы. Это лекарства. Значит, так. Парацетамол как жаропонижающее, фуразолидон, если будет понос, и еще энтеросгель...

Марк понял, что сейчас ему предстоит выслушать еще один краткий курс начинающего фармацевта.

– Циля, – как можно тверже сказал он, – вы не забыли, что я врач? И я уже упаковал и фуразолидон, и фурагин, и средство от ожогов, и кларитин, и много всего другого!

– Ах да. – Соседка устала на него в состоянии близком к молитвенному экстазу. – Боже, боже, я не устаю повторять, как Лане повезло! Вы такой ответственный, такой положительный...

– Циля, не порти мне мужа! – крикнула Лана, которая внимательно прислушивалась к разговору из соседней комнаты. – Он и так о себе достаточно высокого мнения. Того и гляди зазнается окончательно.

– Молчи, женщина! – высокомерно произнес Марк. – Наконец-то хоть кто-то по достоинству оценил мой ум и предусмотрительность. А ты и тетя Рая только и знаете, что пилить и ворчать.

Так или иначе все вокруг вертелось бестолково-шумным водоворотом, и из этого колдовращения на Марка периодически айсбергами надвигались конкретные личности и дела: «Марк! А кто поедет на семинар доклад делать? Полина? Но у нее другая тема!», «Марк! Смотри там за девочками. Греки народ любвеобильный, хотя турки еще хуже... Им еще нет и шестнадцати! Глупый, на них это не написано. Настя еще похожа на ребенка, она худенькая, но Лиза! Ты заметил, как она округлилась за последний год? У нее лифчик не меньше, чем у меня!» Марк кивал, соглашался, дописывал за ночь статью, мысленно делал пометку, что нельзя спускать глаз с девиц, проверял наличие лекарств в аптечке тети Раи, отгонял машину на ТО, договаривался с коллегами о приеме неотложных пациентов, покупал плавки и шлепанцы...

Когда пришел день отъезда, Марк крепко поцеловал жену, осторожно – малышей, нежно – тетушку и погрузился в машину, наивно надеясь, что отдых уже начался. Последние два дня дались ему нелегко, и средняя замотанность, свойственная практически любому работающему семейнину, превратилась в стойкое ощущение загнанности и того, что конец уже близок.

Циля вела машину в направлении Шереметьева (рейс был ранний, и экспрессы еще не ходят), а Марк бездумно таращился на проплывающий мимо пейзаж, последовательно московский и подмосковный, и в голове его блаженной лужицей разливалась мысль, что он в отпуске. Отпуск. Покой. Мир. Отдых. Однако уже в аэропорту выяснилось, что путь к обещанным отельным звездам лежит через некоторые тернии.

Первый бой Марк принял в дьюти-фри. Не успел он оглянуться, как корзинки девочек наполнились шоколадками, конфетками, духами, помадой, наборами теней и прочими милыми, абсолютно дамскими, но очень недешевыми штучками.

– Вы с ума сошли? – поинтересовался он, оглядев набитые доверху корзины. – Куда столько?

– Ну как же! Это мне, это маме... это тете, это мне, это Светке, у нее день рождения через день после нашего возвращения, это круто, а вот смотри, тут акция – два по цене одного... – Девчонки хлопали на него глазами и трещали на два голоса.

Продавщица смотрела сочувственно.

Марк почесал за ухом, потом решительно заявил:

– По сто евро на лицо.

– Ну Марк!

– Жадина!

– Я свои добавлю!

– По двести пятьдесят!

– Ну пожалуйста!

Сошлись они на ста пятидесяти, и то только потому, что объявили посадку.

В самолете выяснилось, что им дали места на разных рядах. Девчонки заявили, что сядут рядом, а Марку пришлось ретироваться чуть ли не в хвост, так как пожилая дама отказалась покинуть кресло, на которое ей «выписали билет». Впрочем, через полчаса после взлета она растолкала мирно дремлющего Марка и в ультимативном порядке потребовала поменяться местами. Марк пожал плечами и послушно перебрался к своим подопечным. Еще через двадцать минут он обзавелся головной болью, потому что девчонки болтали не переставая, не вытаскивая из ушей наушников, из плееров просачивалось что-то шипяще-звонящее, а еще они пробовали друг на друге свежкупленную косметику.

Потом принесли еду, и Лиза хотела курицу, а Настя рыбу, но потом тоже курицу, так что рыбу отдали Марку, который, подумав, ограничился хлебом с маслом. Потом Лиза принялась допытываться, была ли кошерной та курица, которую они только что съели.

К моменту посадки Марк чувствовал себя сильно уставшим.

КОРФУ

Само собой, еще в Москве Лиза просветила подружку о тех надеждах, что питала в отношении этой поездки. Если бы мама Циля узнала, какую работу ее дочь проделала до момента отъезда, то есть в весьма краткий срок, она впредь зареклась бы помогать Лизе в подготовке рефератов и прочих тягомотных и трудоемких школьных заданий. Лизавета прошерстила Интернет, собрала кучу информации о культе Исиды-Нефтиды, сходила в библиотеку и просмотрела пару книг, столь старых, что содержание их еще не успело перекочевать в Сеть. Теперь она точно знала – или думала, что знает, – что именно она ищет. Продираясь сквозь яти, неудобоваримый шрифт и пугающие термины, Лизавета выяснила, что на острове Корфу должен находиться не просто храм великой богини, но место проведения мистерий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.